

«Утверждаю»
Проректор по научной работе
Санкт-Петербургского
государственного университета
С. П. Туник

03. 2016 г.

ОТЗЫВ ВЕДУЩЕЙ ОРГАНИЗАЦИИ
Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения
высшего образования
«Санкт-Петербургский государственный университет»
на диссертацию Салимова Алексея Маратовича
«Средневековое зодчество Твери
и прилежащих земель. XII–XVI века»,
представленную на соискание ученой степени
доктора искусствоведения
по специальности 17.00.04 – изобразительное и декоративно-
прикладное искусство и архитектура

Представленная к защите диссертация посвящена актуальной теме изучения — средневековому зодчеству Твери и сопредельных земель. История развития разнообразной и самобытной культуры Твери сейчас, к сожалению, может быть реконструирована только весьма схематично. Особенно большие сложности испытывает историк архитектуры, взявшийся за нелегкий труд написать историю средневекового зодчества Твери. Именно эта цель является главной для рецензируемой работы А. М. Салимова, широкой как по хронологическому охвату (рассмотрены памятники XII–XVI вв.), так и по характеру и количеству привлеченных источников и литературы. Объемный труд Салимова заставляет вспомнить знаменитый двухтомник Н. Н. Воронина «Зодчество Северо-Восточной Руси XII–XV вв.», одну из наиболее значимых книг об истории древнерусской архитектуры за все время ее изучения. В монографии Воронина памятникам тверской архитектуры посвящено несколько глав, Салимов же рассматривает исключительно памятники Твери и окружающих земель, включая их в широкий историко-архитектурный контекст, привлекая для сопоставления данные о постройках других древнерусских земель. Основная сложность, с которой сталкивается автор, — отсутствие реального архитектурного материала, памятники средневекового тверского зодчества очень плохо сохранились. Исследователь вынужден работать, прежде всего, с данными, полученными в ходе археологических работ и в результате изучения письменных и графических источников.

Во Введении к работе автор обосновывает актуальность избранной темы, формулирует цель и задачи диссертационного сочинения, показывает научную новизну работы; в эту часть включен и достаточно подробный историографический обзор.

Первая глава диссертации посвящена истории церковного строительства на территории Верхневолжья в домонгольский период. Единственная постройка, появившаяся в домонгольское время на этой территории, — Борисоглебский храм в новгородском городе Торжке. Весьма ограниченные сведения об этом здании (храм полностью уничтожен, о его архитектуре можно судить только по изображениям XVII–XVIII вв. и строительным материалам, найденным в ходе археологических работ) позволяют автору, тем не менее, сделать предположение о том, что именно в Торжке в 1190-е гг. произошла апробация на новгородской земле форм башнеобразного храма полоцко-смоленского типа, которые затем, в начале XIII в., оказались востребованы и в Новгороде (Пятницкая церковь 1207 г.). Следует отметить, однако, гипотетичность такой постановки вопроса, поскольку храм в Торжке, в отличие от новгородской церкви, не датирован и вполне мог появиться и в первые десятилетия XIII в.

Во второй главе Салимов подробно рассматривает сведения о каменном зодчестве Твери последней четверти XIII – середины XIV века, по мнению автора, времени зарождения региональной архитектуры. В этот период был построен главный храм Тверской епископии — Спасо-Преображенский собор, а также собор Федоровского монастыря. Возможно, во второй половине XIII – начале XIV в. появился и Успенский собор Отроча монастыря, остатки которого были изучены в ходе археологических работ. Салимов подчеркивает, что можно «говорить о разновекторности в архитектуре наиболее ранних каменных храмов Тверского княжества, обусловленной, в первую очередь отсутствием на этих землях того наследия, на которое могли бы в поисках своего регионального “стандарта” опереться зодчие и заказчики» (С. 187). Исследователь также указывает на пограничное положение Твери, расположенной на стыке земель Северо-Западной и Северо-Восточной Руси, как на важный фактор, обусловивший определенную «ориентацию» ранней тверской архитектуры (соединение архитектурных особенностей этих двух важнейших центров древнерусского зодчества мы видим в Успенском соборе Отроча монастыря). В качестве возможного образца для Спасского собора Салимов называет Спасо-Преображенский собор Переяславля-Залесского («эта соотнесённость могла заключаться в близости плановых структур, в одноглавии, в имеющем позакомарное перекрытие четверике» С. 187–188). Можно согласиться с автором в том, что именно владими́ро-суздальское наследие послужило основой для формирования новой тверской архитектурной традиции, однако вопрос о конкретном образце для храма

в Твери на основании имеющихся у нас сведений не может быть, на наш взгляд, рассмотрен. Салимов абсолютно точно подмечает, что в конце XIII – первой четверти XIV в. тверское зодчество не опиралось на региональную традицию, которой к тому моменту просто не существовало. Он называет это время эпохой «поиска своей самобытности, реализовавшейся в разнообразных архитектурных образах» (С. 189).

Рассматривая в третьей главе каменную архитектуру XIV века в Торжке, автор останавливается, прежде всего, на вопросах реконструкции облика главного городского храма — Спасо-Преображенского собора. По мнению Салимова, «Спас в Торжке, также как и Успенский собор тверского Отроча монастыря, в определённой мере синтетическая постройка, вобравшая в себя разнообразные по региональному происхождению формы и технико-технологические особенности» (С. 233). Нельзя не отметить значение проведенного автором исследования — о новоторжском храме до недавнего времени мы знали только по рисункам XVII в. Благодаря археологическим раскопкам появилась возможность создать несколько вариантов реконструкции утраченного памятника. Некоторые сюжеты, рассмотренные в этой главе, безусловно, вызовут научную дискуссию, которая может послужить стимулом для дальнейшего изучения памятника. К числу дискуссионных следует отнести и вопрос об интерпретации результатов раскопок на Нижнем городище Торжка, также рассмотренный в этой главе.

Четвертая глава диссертации посвящена изучению тверского зодчества второй половины XIV – первой четверти XV в. Материалы археологических исследований позволили автору включить в круг памятников рассматриваемого времени башнеобразные сооружения, найденные на княжеском дворе в Твери. По мнению Салимова, эти конструкции входили в состав четырехугольного в плане комплекса, состоящего из четырех белокаменных башен, объединенных между собой деревянными стенами.

Особый интерес представляет новая характеристика, данная исследователем двум старицким храмам — Архангельскому и Никольскому, заново изученным в ходе археологических работ. Результатами раскопок стали гораздо более точные реконструкции этих памятников тверской архитектуры. Новые материалы были обнаружены и по истории построек тверского Жёлтикова монастыря.

Автор диссертационного исследования считает, что Тверь испытала влияние архитектуры Литвы (в качестве следов этого влияния указывается на находки кирпича, названного автором пальчаткой, а также на многолепестковую форму плана церкви Иоанна Милостивого, построенного, возможно, в первой четверти XV в. в центре Тверского кремля). Следует отметить спорность этого положения. Реконструкция церкви Иоанна Милостивого более чем гипотетична, а найденные тверскими археологами

рифленые кирпичи не могут быть названы пальчаткой, так как пальчатка — это обычные кирпичи с продольными полосами обычно небольшой глубины на верхней постели. На наш взгляд, архитектура Литвы и шире Западной Европы никак не влияла на становление и развитие архитектуры Твери.

Вывод Салимова о том, что архитектурные формы памятников тверского зодчества этого времени следует связывать не только с влиянием Москвы, но и с воздействием архитектуры Северо-Западной Руси, кажется нам обоснованным и продуктивным. Автор считает, что в итоге взаимодействия этих традиций «возникла региональная архитектурная школа, синтезировавшая в себе разнообразные черты» (С. 377).

Пятая глава посвящена тверской архитектуре второй четверти – второй половины XV века — по меткому определению автора, эпохе «расцвета тверского зодчества удельного периода» (С. 438). Особое внимание автор уделяет строительной деятельности князя Бориса Александровича, в том числе и единственной сохранившейся тверской постройке этого времени — церкви Рождества Богородицы в Городне. По мнению автора, Рождественская церковь наглядно демонстрирует характерный для тверской архитектуры синтез северо-западных и северо-восточных черт. В середине – второй половине XV столетия в Твери началось освоение нового типа архитектурного декора — терракотовых изразцов, также впервые подробно описанных исследователем.

В шестой главе рассматривается каменное строительство в Антониевом Краснохолмском монастыре. Никольский собор монастыря — одна из наиболее интересных средневековых построек, сохранившихся на территории современной Тверской области. Датировка храма 1481 г. является предметом давней дискуссии. Исследователь отмечает, что соотнесение этой даты «с архитектурной стилистикой здания выявляет определённое противоречие между сложившимися представлениями об особенностях каменных культовых сооружений 80-х – 90-х гг. XV в. и некоторыми формами краснохолмского собора. Последние как бы опережают время и легче вписываются в контекст архитектуры первой половины – середины XVI столетия, что и было отмечено рядом исследователей» (С. 497). Тем не менее, А. М. Салимов считает возможным придерживаться указанной датировки, и приводит целый ряд доказательств, подкрепляющих его мнение. Помимо собора, в главе анализируются и архитектурные формы монастырской трапезной с церковью Покрова Богородицы (конец XVI в.).

Седьмая глава посвящена архитектуре начала – первой половины XVI в. В тексте главы рассматриваются постройки, различные по назначению и объемно-пространственному решению, возведенные тверскими мастерами не только в городах Тверской земли, но и за ее пределами (среди этих зданий особенный интерес, конечно,

представляет Хутынский столп). Впервые в российской науке комплексно охарактеризован этот важнейший пласт отечественного культурного наследия, долго остававшийся за рамками специальных историко-архитектурных исследований.

В тексте восьмой главы исследователь рассматривает каменные постройки крестовокупольного типа середины – второй половины XVI в. Исследователь подчеркивает, что к середине XVI столетия архитектура Верхневолжья «практически утратила зримую взаимосвязь с региональным зодчеством прошлых столетий, окончательно став неотъемлемой частью общерусской стилистики» (С. 719). Салимов отмечает, что в середине XVI в. строится ряд достаточно крупных пятиглавых храмов, однако в годы опричнины строительство в тверской земле замирает.

Девятая глава диссертации посвящена твёрскому шатровому зодчеству XVI в. и, прежде всего, Борисоглебскому собору в Старице (1558–1561). Проведенные автором раскопки храма стали крупнейшим открытием в области изучения русской архитектуры середины XVI в. В тексте главы рассматривается также Введенский трапезный храм Успенского Старицкого монастыря и церковь Смоленской Богоматери в селе Кушалино. Автор считает, что «на примере кушалинского храма, а также других шатровых построек Тверской земли можно говорить о высоком профессиональном уровне мастеров региональной архитектурной школы» (С. 886).

В Заключении автор диссертационного исследования подводит итоги, особо останавливаясь на вопросах об истоках и основных этапах развития тверского зодчества. Важно отметить, что в тексте заключения присутствуют списки известных нам построек в тверской земле и на сопредельных территориях XII–XVI вв., а также несколько сводных таблиц планов зданий, что делает выводы автора еще более наглядными.

Диссертационное сочинение Салимова основано на очень широкой источниковедческой базе — данных, полученных при исследовании письменных и графических источников, материалах археологических изысканий. Представленный труд является первым в истории отечественной науки исследованием памятников архитектуры, находящихся на территории Твери и находящихся рядом земель.

А. М. Салимовым затронут столь обширный историко-архитектурный пласт, что ряд проблем для обсуждения можно было обозначить по каждому параграфу этой работы. Коснемся здесь лишь одного из главных вопросов — используемого автором понятия *тверская архитектурная школа*. Данное понятие предполагает наличие своеобразия построек как в области стилистики, так и в области строительно-технических приемов, а, главное, оно может употребляться только тогда, когда есть отчетливая преемственность, традиция. Дает ли имеющийся материал основание использовать понятие школа по

отношению к разрозненным памятникам архитектуры Твери? На наш взгляд, несмотря на предпринятые автором усилия, вряд ли возможно уверенно оперировать этим термином. Более корректно было бы пока говорить обобщенно о «средневековой архитектуре Твери», не используя понятие *школа*.

Указанные выше замечания носят дискуссионный характер, они во многом обусловлены новизной и спецификой исследования, намечают дальнейшие перспективы изучения материала, но не умаляют заслуг автора, проделавшего большую работу по изучению средневековой тверской архитектуры. Следует признать, что совокупность разработанных А. М. Салимовым теоретических положений можно квалифицировать как важное научное достижение.

Автореферат полностью соответствует тексту диссертации, материалы диссертационного исследования апробированы на научных и научно-практических конференциях. Основные положения работы отражены в серии научных публикаций автора, в том числе в фундаментальной двухтомной монографии.

Диссертация Алексея Маратовича Салимова представляет собой оригинальный завершённый текст и полностью соответствует требованиям п. 9 «Положения о присуждении ученых степеней» (утверждено Постановлением Правительства РФ от 24.09.2013 № 842), предъявляемым к докторским диссертациям, а ее автор заслуживает присуждения ученой степени доктора искусствоведения по специальности 17.00.04 – Изобразительное и декоративно-прикладное искусство и архитектура.

Отзыв составлен Антиповым Ильей Владимировичем, кандидатом искусствоведения, доцентом кафедры истории русского искусства Санкт-Петербургского государственного университета. Содержание отзыва обсуждено и одобрено на заседании кафедры истории русского искусства Института истории Санкт-Петербургского государственного университета 26 февраля 2016 года, протокол № 78.08/11-04-1.

Заведующий кафедрой истории русского искусства,
кандидат искусствоведения, доцент

Е. В. Ходаковский

Сведения о ведущей организации:

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования
«Санкт-Петербургский государственный университет»
199034, Санкт-Петербург, Университетская наб. д. 7/9
Институт истории СПбГУ, Менделеевская линия, д. 5
Тел. 3289447
Email: a.daudov@spbu.ru, E.Khodakovsky@spbu.ru

